

теплогазопостачання і вентиляції, водопостачання і водовідведення. Зб. наук. праць / Уклад. М. Д. Кізеєв, О. С. Новицька. – Рівне: НУВГП, 2015. – С. 104–105.

*Ремизова Елена Игоревна, доктор архитектуры, профессор,
Харьковский национальный университет строительства и архитектуры*
**ДИАЛОГ ЭПОХ В СРЕДЕ СОВРЕМЕННЫХ
УКРАИНСКИХ ГОРОДОВ**

Проблему взаимодействия прошлого и настоящего в архитектуре города поднимали не раз. Начиная с 1960-х годов о ней велись дискуссии в связи с упрощенностью и аскетизмом архитектуры «modern movement». На западе этот вопрос вылился в ожесточенную волну критики современного движения, в то время как на территории соцлагеря примитивность и типичность утверждались и широко распространялись.

За последние полвека украинские города претерпели колоссальные изменения. Бурное социалистическое строительство, развернувшееся после второй мировой войны, создало необозримое количество безликих микрорайонов и километры так называемой «массовой застройки», которые не только окружили исторические центры городов, но и активно вторглись в их среду. Критическая масса этой безликой «архитектуры» во многих городах превзошла все возможные пределы и, как следствие, эти города частично или полностью потеряли свое лицо, свою аутентичность и индивидуальность своих исторических ареалов и памятников.

Эта ситуация демонстрирует нам **проблему**, которую можно было бы назвать «**утратой памяти**». Этому в какой-то степени противостоит историческая среда. Насыщенность, плотность, концентрация, информативность исторических районов городов является значительно более привлекательной для современного городского жителя, несмотря на свою часто стихийно формировавшуюся структуру. Отдельные сохранившиеся сооружения и фрагменты ранее целостной городской среды еще напоминают о прошлом старого города, но постепенное вымывание или измельчение этих фрагментов и растворение их в новой городской структуре чаще всего наталкивается на непонимание самих этих следов, их значимости для города и планомерном их уничтожении или исчезновении.

Как же к этой проблеме должны относиться профессиональные архитекторы? Есть ли у них средства для **прочтения** городской среды и ее насущных потребностей в области восстановления памяти в архитектурно-художественном аспекте?

В западной архитектурной теории этот вопрос активно обсуждался в 1960-е годы с приходом идей постмодернизма. Например, David Watkin в своей книге «A History of Western Architecture» пишет: «Попытка современного движения изменить человека с помощью архитектурной революции и

уничтожения памяти угрожает насилием по отношению к достоинству и самобытности. Первый, кто вопрошал к модернизму, был Роберт Вентури в своей книге «Complexity and Contradiction in Architecture (1966)», в которой он рекомендовал возродить «присутствие прошлого» в архитектурном проектировании. Его целью было показать как архитектура, до современного движения, была способна воплотить множество значений одновременно. Он стремился включить в свои постройки такие качества, которые он описывал неопределенно, как «включение, несогласованность, компромисс, проживание, адаптация, супер примыкание, равноценность, множественность фокусировки, соприкосновение, или хорошее и плохое пространство. Он считал более важным, разрушив пуританскую ненависть к орнаменту, открыть новую плюралистическую, либеральную архитектуру, контекстуализм мировоззрения и заботу об окружающей среде [1, р. 660].

Другим значимым примером может служить улица «Strada Nuovissima» на Венецианском биеннале 1980 г., проходившая под девизом «Присутствие прошлого». Она собрала 20 фасадов, запроектированных самыми передовыми архитекторами мира, провоцировавшими публику задуматься о проблемах «содержательности» городской среды. К числу мастеров, обсуждающих проблему взаимодействия прошлого и настоящего в современной городской среде нужно отнести Альдо Росси, Ч. Дженкса, К. Линча, Леона и Роба Крие, Витторио Аурелли и др.

В советской архитектурной теории В. Глазычевым и его последователями была разработана теория городской среды, противопоставившая механическому градостроительству типовых районов массовой застройки понятие «городской среды», актуализировавшее взаимосвязь человеческой жизни с архитектурой [2].

К проблеме утраты смысла пространством городов обращались также философы и культурологи. Ю. М. Лотман писал: «Прошедшие культурные эпохи не исчезают без следа, а остаются в памяти культуры как вневременные» [3, с. 677]. Лотман указывал на то, что «архитектура состоит не только из архитектуры: узкоархитектурные конструкции находятся в соотношении с семиотикой внеархитектурного ряда - ритуальной, бытовой, религиозной, мифологической, - всей суммой культурного символизма. Здесь возможны самые разнообразные сдвиги и сложные диалоги. Между геометрическим моделированием и реальным архитектурным созданием существует посредующее звено - символическое переживание этих форм, отложившееся в памяти культуры, в ее кодирующих системах» [3, с. 678]. Аналогично, У. Эко говорил о том, что задача архитектора «состоит в том, чтобы предвидеть и учитывать движения истории, а не двигать ее» [4, с. 328]. Эта мысль очень близка концепции Альдо Росси, который рассуждал о **памяти места** [5]. К сожалению, о памяти и ее архитектурном следе в украинских городах пока никто не задумывался, если не считать реставраторов памятников и ансамблей.

Взглянув со стороны на наши города, историческая глубина которых колеблется от десяти до одного столетия, мы должны отметить, на первый взгляд, невероятную смесь эпох, стилей, предпочтений, отпечатавшихся на лице городов в процессе их развития. Но отстраненный (рефлексивный) взгляд позволяет навести «резкость глаза» на разные сущности и попытаться дифференцировать увиденное. Тут возможны разные ракурсы рассмотрения. Это могут быть взгляды разных людей: от обывательского до профессионального; разные позиции: историка, архитектора, поэта, художника, управленца; разные задачи: понять город, разобраться в его сложности, преобразовать его, упорядочить свое знание и т.д. Из всего этого разнообразия в данной статье нас будут интересовать только вопросы взаимосвязи прошлого и настоящего: как прошлое согласуется с настоящим, как оно запечатлевается в сознании людей и в городском ландшафте? Как новые проектные решения реагируют на историческое окружение?

Многоликость – главное ценное качество городской среды. Современная архитектурная среда полна сложных отношений. Глубина их понимания во многом зависит от того, владеет ли архитектор особыми знаниями о происхождении и развитии не только городского ландшафта, но и о том, как он создавался, что думали и закладывали архитекторы разных времен в его семантику, композицию, строение. Современные украинские архитекторы пока до конца не осознали необходимость развития своей деятельности в семиотическом аспекте. Архитектура, не несущая человеку нового художественного смысла утратила свое значение и обесценилась. Современный человек выдвигает требование гармоничной жизни с окружающей средой и культурной традицией. **Полисемичность** городской среды должна стать предметом размышления современного архитектора, вторгающегося в столь сложный организм. От глубины понимания механизмов формирования культурного ландшафта зависит будущее места и людей в нем обитающих.

Если не учитывать историко-культурной многозначности и полифункциональности среды, деструктивные тенденции в развитии городского ландшафта могут стать для нее губительными. Однако, умение «читать» следы эволюционного развития городской среды зависит от того, настроен ли на это глаз архитектора. (*Наша система обучения архитектора пока этому не учит*). Ему необходимо отслеживать в городской среде следы художественных замыслов предшествующих эпох и мастеров, как сказал бы А. Росси, следы «городской памяти». В теоретической абстракции мы можем представить себе, что в процессе развития городской среды возникают диалогические отношения между эпохами, стилями, формами, приемами формирования пространственных структур, знаковыми формами, вступающими в семантические связи. Неосознание всего этого многоуровневого полифонизма приводит к обеднению и разрушению среды, а в конечном итоге к ее деградации.

Рассмотрим проблему взаимодействия прошлого и настоящего на примере пл. Свободы (бывш. пл. им. Дзержинского) в г. Харькове. Как пишет

Е. Черкасова «за 10 лет, начиная с 1925 по 1935 годы, купеческий Харьков приобрел не просто столичный, но авангардный облик. ... Харьков превратился в творческую лабораторию по разработке и реализации новых типов зданий и сооружений» [6, с. 4]. Площадь задумывалась как единый правительственный ансамбль столичного города и проектировалась путем конкурсов. Однако нас интересует история трансформаций ее смыслов, которая демонстрирует последовательный ряд негативных вторжений. В основу композиции ансамбля изначально закладывались конструктивистская стилистика и центрический принцип структурирования, обусловленные идеологическими соображениями того времени и символизировавшими мощь новой централизованной власти СССР, пришедшей на смену царизму. И хотя сейчас эта идея утратила свой первоначальный сакральный смысл, логика построения ансамбля удерживает в своем влиянии окружающие его кварталы и проспекты. Она сохранилась и продолжает влиять на последующие преобразования.

Однако, начиная с момента восстановления разрушенного Харькова после второй мировой войны, площадь и ее объекты подвергались неоднократным интервенциям, которые резко меняли ее облик и смысл. Первая – послевоенная реконструкция нанесла колоссальный ущерб стилистике площади, переодев конструктивистские здания Дома проектных организаций (1930-34) и Дома кооперации (1928-34 гг.), гостиницы «Интернационал» (1932-35 гг.) и здания ЦК КПб(У) в исторические формы Ар Деко (сталинского ампира), что было обусловлено идеологией культа личности и тоталитарного режима. Этот шаг, однако, сблизил образ площади с эклектическими чертами застройки центра Харькова и примыкающими к ул. Сумской кварталами, застроенными в конце XIX - нач. XX веков. Однако, здание Госпрома (1926-29 гг.) сохранилось в первоначальном виде, а супрематический характер пространственного построения зданий и структура площади не пострадали. В 1963 г. на стыке круглой и прямоугольной частей площади был поставлен памятник В. И. Ленину, закрепивший пространственный перелом. Это привело к тому, что круглая часть площади потеряла свою главенствующую роль. 350-летний юбилей Харькова нанес следующий удар: со здания Госпрома была сбита штукатурка, деревянная столярка была заменена стеклопакетами и т. п., что привело к частичной утрате аутентичности здания. Но самый мощный разрушительный удар был нанесен площади в 2011 г. в связи с проведением футбольных матчей чемпионата Евро-2012, когда на стыке круглой и прямоугольной частей площади была поставлена новая гостиница «Палас отель». Непонимание структуры пространства и ее конструктивистской стилистики, заложенных в изначальной концепции ансамбля площади, привели к губительным последствиям. Новое здание гостиницы не вписывается в ансамбль ни по одному параметру. Оно не ориентировано ни на одну пространственную ось – ни к центрической части, ни к прямоугольной. Резкими агрессивными косыми выступами оно разрезает периметр площади. Агрессивная стилистика архитектуры 1980-х гг. контрастирует как конструктивистской теме Госпрома, так и декоративно-классической теме

соседних зданий. Пропорции, высотность, материалы, конструкция, цветовая гамма – все работает на противопоставление и разрушение, но не на диалог с окружением. Т. о., непонимание художественного духа места и агрессивное навязывание разрушительных тенденций породило вопиющую дисгармонию, которую очевидно не удастся сгладить. В 2015 г. в результате «революції гідності» памятник Ленину был снесен, что в некоторой степени послужило восстановлению первоначального имиджа площади и очистило ее образ от идеологических наслоений. Появилось свободное перетекающее пространство, не засоренное знаковыми формами. Однако этот факт грозит новым вторжением.

Анализ истории преобразований пл. Свободы в Харькове наглядно показывает, что в городской среде необходимо отслеживать диалогические отношения между эпохами, стилями, формами, приемами формирования пространственных структур, возникающими семантическими связями. Неосознание всего этого многоуровневого полифонизма приводит к обеднению среды, разрушению заложенных изначально смыслов, а в конечном итоге к ее деградации.

Всемирная хартия сохранения исторического наследия ICOMOS 1964 г. выдвигает задачу не только сохранения, но и ревитализации исторической городской среды. Сообразуясь с этим требованием, исследователи и проектировщики должны видеть в объекте вторжения сложный исторический процесс формирования городской структуры, базирующийся на еще более сложном процессе развития мышления и деятельности архитекторов. Любой памятник, будь то небольшое сельское жилище или целый исторический район города, связан с определенным периодом истории, общественными требованиями к образу, способу функционирования и использования объекта, менталитетом эпохи, народа, строя, философии, религии и культуры людей. При этом рассматриваемый объект включен в сложные взаимоотношения с окружением, которое могло возникнуть как результат иных художественных требований и эстетических критериев. Учитывая все эти сложности, исследователю и проектировщику необходимо глубоко понимать не только мотивы, двигавшие мастерами прежних эпох, но и способы их мышления и деятельности, логику их мотивации, владеть художественными языками предшественников. Знание композиционных логик архитектурного языка [7] позволит им в любом сохраняемом объекте увидеть живой развивающийся организм, способный к дальнейшему активному использованию, раскрыть и развить сложные диалогические отношения между объектами, эпохами, мастерами и их принципами, правильно выбрать стратегию вторжения в городскую среду.

Список использованных источников

1. Watkin David «A History of Western Architecture». - 4th Edition, London, Laurence King Publishing, 2005. – 720 p.
2. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. - М.: Наука, 1984. – 180 с.

3. Лотман Ю.М. Архитектура в контексте культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. - С-Пб., «Искусство-СПб», 2001. - С. 676-683.
4. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – С-Пб., symposium, 2006. – 548 с.
5. Росси А. Архитектура города. «Strelka Press», 2015. – 264 с.
6. Черкасова Е.Т. Проблемы сохранения архитектурного наследия харьковского конструктивизма // Ватерпас, 2002, № 3(40). – С. 4-13.
7. Ремізова О.І. Логічні структури композиційної мови архітектури. Автореферат докторської дисертації. - Харків, 2013. – 36 с.

*Третьяк Юлія Вікторівна, доктор архітектури, професор,
Київський національний університет будівництва і архітектури*

**ОСОБЛИВОСТІ РЕГІОНАЛЬНОЇ ПОЛІТИКИ У ГАЛУЗІ
БУДІВНИЦТВА ПЕНІТЕНЦІАРНИХ КОМПЛЕКСІВ**

Проблеми пенітенціарної діяльності, що включають питання як державного управління системою і соціалізації засуджених, так і оновлення матеріально-технічної й проектно-будівельної галузі, тісно пов'язані із пошуком ефективних засобів удосконалення виправного середовища як одного з напрямків досягнення позитивних змін у державі. Можна констатувати, що в Україні, незважаючи на зроблені перші кроки з реорганізації й розбудови пенітенціарної системи, досі не створені умови для повноцінного проведення індивідуальної роботи із засудженими, яка повинна стати провідним комплексним напрямком соціальної і виправної політики держави. Підвищення рівня соціальності, тобто здібності людини адаптуватися до вимог суспільства, засобами соціально-педагогічного і психологічного супроводу виступає головною метою виправлення засудженого під час відбуття покарання.

У результаті проведення амністії у 2014-15 рр. чисельність засуджених та осіб, узятих під варту, зменшилось на 44 % та становить близько 73 тисяч осіб. За даними Державної пенітенціарної служби України стовідсотково заповнені лише виправні колонії максимального рівня безпеки, менш, ніж на 40% наповнені виправні колонії для жінок, а більшість слідчих ізоляторів (СІЗО) наповнені на 75%. Проте, така, на перший погляд, позитивна динаміка, не знімає низки проблем, пов'язаних із утриманням засуджених в умовах позбавлення волі, особливо це стосується довічного утримання. Наприклад, Лук'янівський слідчий ізолятор, що розташований у центральній частині столиці і нараховує 2058 в'язнів (серед яких 135 жінок), має місткість, розраховану приблизно на 2500 осіб та камери, 50% з яких знаходяться у аварійному стані [1].

Пропозиції до пріоритетів діяльності Державної пенітенціарної служби, яка нещодавно позбулася самостійності та стала підрозділом Міністерства юстиції України, включають, зокрема, пріоритет приведення умов тримання осіб, узятих під варту та засуджених, у відповідність до вимог Європейських